

Еще ближе к темам современности!

Присуждение Сталинских премий за выдающиеся произведения советской литературы, созданные в 1947 году, знаменует собой новый подъем литературного творчества в нашей стране. Этот подъем выражается не только в том, что ныне все народное признание удостоено большее количество произведений, чем в предыдущие годы, но и в том, что большинство книг новых лауреатов Сталинской премии посвящено теме современности, подвигам советских людей, нашей жизни, полной героизма.

Поворот советских писателей к социалистической действительности, активное погружение литераторов в жизнь, приближение к запросам и требованиям народа — все это явления глубоко закономерные и весьма знаменательные. Здесь с огромной силой сказывается вдохновляющее и направляющее влияние партии, которая неустанно проявляет сталинскую заботу о росте и развитии советской литературы. Исторические решения Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам указали писателям прямой и ясный путь творчества, высокоинтенсивного, подлинно партийного, овеянного боевым духом современности.

Советские писатели ответили на призыв партии рядом произведений, которые потому и поразили народ, что в них затронуты важнейшие проблемы, волнующие миллионы читателей.

Минувшая Великая Отечественная война, грандиозный опыт героических и суровых лет борьбы с фашистскими захватчиками, естественно, продолжает привлекать внимание писателей. Образы пламенных патриотов социалистического отечества, защищавших на поле битвы свободу и счастье народа, предстают на страницах лучших произведений нашей литературы. Рядом с ними вырастают образы героев, выдающихся все свои силы, всю свою беззаветную страсть, весь боевой опыт в дело мирного созидания, в строительство коммунизма.

Черная тема и материал в гуще советской жизни, близкая к народу, писатель поднимает на новую ступень своего развития, он неизменно вырастает как художник, как инженер человеческих душ. Зорко всматриваясь в те новые черты, которые воспитаны в наших людях партией Ленина — Сталина, выкованы нашим социалистическим строем, обобщая эти черты в своих произведениях, писатель активно участвует в благородном деле коммунистического воспитания масс.

Жизнь нашей страны столь богата событиями и подвигами, что постоянно расширяются горизонты, раскрываются перед художником при первом же сопереживании с современностью. Обилие и многообразие тем и проблем, возникающих на материале сегодняшнего дня, — неисчерпаемо.

Это многообразие и богатство ярко выражено в книгах лауреатов Сталинской премии. Посвященные современности, эти книги объединены стремлением авторов правдиво запечатлеть великую животворную силу коммунизма, преобразующего и лицо земли и человеческие души. В каждой из этих книг перед нами раскрываются все новые и новые грани нашей действительности, все новые и новые черты характера.

Солдаты из романа Бубенцова, свято верящие в победу, несмотря на трудности

первых месяцев войны, и солдаты из романа Гончара, победоносно переступившие рубеж родной земли, идущие на помощь другим народам, озарены светом одних и тех же великих идей. Моральное величие их изображается в разных условиях, раскрывает перед нами разные стороны одного и того же могучего советского характера. Творческая индивидуальность каждого из авторов придает их героям неповторимые и своеобразные оттенки.

Вчерашние фронтовики, вернувшись к созидательному труду на колхозных полях и на лесах послевоенной пятилетки, — Егор Широков, герой поэмы А. Недогонова, подковник Воропаев («Счастие»), капитан Пантелеев, ставший пропагандистом райкома («В одном населенном пункте» Б. Галина), — все это братья по духу, люди, не боящиеся трудностей, находящие счастье не в отдаленных военных испытаниях, а в продолжении борьбы на фронтах труда. В их нынешней жизни мы угадываем дальнейшую судьбу Андрея Лопухова («Белая береза») и Хомы Хаецкого («Знаменосцы»).

Разведчики Казакевича и производственники Пановой, животноводы Авдеева и партийные работники, герои пьесы Софронова, ученые из пьесы Ромашова и колхозники, герои поэмы Грибачева — люди большевистской закалки, в деятельности которых выражены дух современности, творческая активность, присущая нашей советской действительности, пламенный советский патриотизм.

На страницах книг, удостоенных лаврами всенародного признания, встречаем мы замечательные образы большевиков.

Коммунизм — подлинный герой нашего времени. И нет более сложной и в то же время более благодарной задачи для художника, чем задача правдиво и глубоко запечатлеть черты, присущие коммунисту, показать его вдохновляющее и организующее влияние на окружающих, на ход событий, показать всепоглощающую правоту идей, которые он защищает.

Вспомним, как тянутся люди к большевику Воропаеву, видя в нем воплощение глубокой партийности; вспомним, как правдиво показано большевистское руководство подпольем в книге Козлова, и мы поймем, какие удачи ждут художника, который вплотную и глубоко подойдет к этой теме, к этому образу.

Некоторые из произведений, удостоенных высокой награды, обладают отдельными недостатками. Но уже само обращение к важнейшим проблемам нашей действительности, острая и смелая постановка вопросов, активное вмешательство художника в жизнь обусловили успех этих книг.

Большевистская, глубоко принципиальная оценка литературного творчества, развивавшаяся в присуждении Сталинских премий, целиком совпадает с той оценкой, которую дал выдающийся произведением 1947 года советский народ. Ближе всего широким многомиллионному читателю произведение, в котором выражены мысли и чувства простых людей, в котором запечатлены нынешние подвиги наших героев.

Успехи, достигнутые советской литературой в 1947 году в освоении современной темы, — это лишь первые шаги на пути к созданию произведений, достойно, во всей полноте отражающих сегодняшний день народа, идущего во главе человечества.

Еще более углубленная работа над современной темой, еще более активное погружение в жизнь, еще более тесное сближение с героями созидания — вот чем должны ответить писатели на сталинскую заботу о советской литературе!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 28 (2411)

Среда, 7 апреля 1948 г.

Цена 40 коп.

Владимир ФОМЕНКО

Одна строчка

Три недели колхоз «Красный Аксай» готовил письмо товарищу Сталину. Полевые составили обязательства по урожаю хлеба, фермы — по молоку и шерсти, кузины — по готовности инвентаря. Все шло хозяйственным размеренным ходом, пока не случилась история с трактором.

В обед трактористка Лукерья Степина везла солынку мимо окон хаты деда Рыжова. Выбрав место поше, а, может, зазевавшись, она взяла близко к обрывистому краю дороги, трактор соскользнул и ударился о вкопанный над кустом каменный столб.

Вечером несколько казаков, уже не работавших по старости, явились в правление и потребовали, чтобы прежде, чем они распишутся под письмом, их допустили осмотреть все хозяйство. Видимо, обеспокоила их авария перед хатой деда Рыжова.

С утра старики начали осматривать хозяйство. Сверяя с тем, что записано в обязательствах, они подолгу задерживались на чабаре, в мастерской и огороде; отшпывали от ветки, давившей в заскорузлых пальцах африкосовую почку, спрашивали у садовника, где он разложил костры на случай, когда салы зацветут и вдруг ударит мороз... Старики придирчиво осматривали полевое хозяйство, измеряли рулеткой денник для купленного на конзаводе жеребца.

К десяти часам второго дня хозяйство оказалось осмотренным. Прямо из сеней родильного помещения молочной фермы комиссия направилась к машине. Под мотором колесе расщепило в луже радужные струны бензина.

Через минуту, разбрасывая колесом грязь и взрывая лужи, машина завалилась по заливной воде станине.

Закутанная в козий пуховой платок бабка Лобушка сидела на соломе и, когда машина подкатывала, толкалась то о Рыжова, то о Заикина.

Прокофий Васильевич Рыжов, восьмидесятилетний казак с крупным в синих прожилках носом, был выбит — на скаку и подбодревшие свежие порезы. Поблизке к Рыжову теснились болезненные Заикины. Несмотря на весну, Заикин поверх поднятого воротника обмотал себя шарфом.

— Правнису мы к Федотовой, — через силу наклонялся к старикам, сказала Лобушка. — И считай я, что у нее дело неладное...

Чем, Кононовна, у Федотихи неладит? — А как же ладно? Записала она, шутка сказать, 200 пудов! Это на языке легкого: раз, и повернул, чтоб перед другими колхозниками выфрантиться. Другие могут и по 400, у них земли больше. А как у Федотовой земли? Плат чернышова, а с исподу глина. Скажи, зачем люди до утра гонят жгут, пишут письмо Сталину? Чтб в газете отпечатать и радоваться? Нет! Чтб то, что записано, государство плавновало, как вроде уже ссыпанный хлеб! Оно и Федотуха так заплакают — 200 пудов с гектара, а я в ее земле даже сомневаюсь. Надо сейчас думать, а будет письмо пушено — с Москвы не вернешься.

Рыжов положил ладонь на рукав Лобушки:

— Я от этих думок, соседка, ночь ворочался...

— Один ты? — усмехнулся Заикин.

Машина давно выехала за станицу. Далеко на юге — признак разгулявшейся погоды — еле приметно обозначился Кавказский хребет. Мелькали напши. В низинах встречались еще острова снега.

Машина остановилась около выжаренного в синюю краску вагончика. На проплетенном кукурузном поле девушки жгли корневища.

— Принимайте гостей! — вылезла из кабинки, крикнул шофер.

Девчата, на ходу отряхивая юбки, подходили к машине.

— Здравствуйте, — сказала Лобушка.

— Приехали мы побеседовать об ваших обязательствах, — она огляделась по сторонам. — Где хозяйка?

Высокая дивчина, держа в губах шпильку, вылазила на затылке косы. Она выпнула шпильку из губ и сказала:

— Федотова подается за золой. А чего говорить насчет обязательств?

Девушки пересмеивались и, довольные минутой отдыха, толкали друг дружку.

В душе Рыжова шевельнулась обида, он потер выбитый утром подбородок и официально сказал:

— Мы, товарищи, приехали проверить оному, об которой вы составляете письмо. Озимь начиналась справа от кукурузного участка, а другая сторона граничила с шоссе. Ксения и Мама пошли со стариками, остальные девушки снова принялись убирать бунды.

3 апреля в центральных газетах было напечатано письмо колхозников Краснотарского края к товарищу Сталину. В этом письме содержится обязательство зена т. Федотовой (колхоз «Красный Аксай» Курганинского района): получить по 120 пудов на 120 гектарах, а на 16 гектарах — по 210 пудов.

Мы публикуем очерк писателя Владимира Фоменко, вызвавшего по поручению редакции «Литературной газеты» на Кубань и находившегося в дни составления исторического документа в колхозе «Красный Аксай».

— И неправда. Ничего не знает! — возразила Мама. — Насыпьте химии кое-как; одному кусту совсем не достанется, а другой перестет — заболает.

На шоссе загудел мотор, со стороны станицы шла машина. Порывившись с людьми, она не остановилась и завернула к сипему вагончику.

— Инвентарь привезли, — сказала Мама.

— Не рано ли?

— Нет. Земля просохнет, час пропустит, равно полцентнера потеряешь.

— Вы все свои заботы на центнер мерите?

— Ну да. Рассчитали, что всего с озимой получим по 200 пудов, а вчера дошли химии, потому еще 10 добавили.

— Салушай, хозяйка, ты вот что скажи, — наклонился к маме Заикин. — Как считаешь, по совети, — все у нас хорошо на поле?

Мама забеспокоилась, отчего на ее лице, на седловинке взернутого носа, резко проступили веснушки.

— Понимаете, это от нас не зависит... Может, что-то можно придумать? — не зная: только веселам сейчас очень трудно. Они посе зими одна озимь, им бы сейчас самое кунать, брать силу, по питанье, что лежит в земле — разные там палочки, листики, для них еще не годится: его раньше бактерии должны обработать, а бактерии не поживали еще в холодной земле. Вот всходы и гондают...

А ведь в них — мы на курсах в микроскоп смотрели — уже сейчас все позложено: и маленький колос, и колоски, и цветки — все урожай. Сейчас бы им подкормки насыпать, а как? Видите, земля жидкая: ступень — все затопчешь.

— Да, затопчешь... А говоришь, заложен уже колосок?

— Заложен.

— Значит, он, как дитя в люльке, лежит между листиками... Заикин поскреб бороду, оглядывая уходящие к горизонту ряды озимей. — Лежит спеленутый и не чуется, что хлебороб ходит вокруг, может, не синт — думает об нем...

Мама не дослушала:

— Да, да. Правильно! Ранняя вегетация для растения безвредная — это всегда. Но как помозать то, что всегда? Как по этой жалке пройти?

— Трудно, — вздохнул Рыжов. — Как думаете, старики?

Взглянул на шоссе показался «ЗИС». Над кабиной маячила человеческая фигурка. Машина приблизилась, было видно, как на промороженных дорогах из-под тяжелых скатов брызгала грязь.

— Федотова едет, — сказала Мама.

Поровнявшись с полем, «ЗИС» остановился. Дев Федотова, краснощекая, с высоким валиком мягких волос, выпрыгнула из машины.

— Гляньте-ка, золу мы привезли — сухая, как лето... — сказала она девушкам.

— Ну, как озимая, старики?

— И что тебе, дочка, обяснить? — сказала Лобушка. — Вы тут все сами агрономы. Шпешина бурал — это вы знаете, а почва ветрити надо.

— Ой, бабунка, и не говорите... Озимь же сейчас богаче питанье. А тут вот по полю не пройдем.

— Подожди, Федотиха, не цекоти. — оборвал Рыжов. — Кажишь, пройдем.

Наступив одним сапогом, он отодрал с другого напшиный катух грязи и стал осматривать высокое, с легкой дымкой по краям небо.

— Морозец будет, — сказал старики.

— Не так, что крепкий, но по озимой легонько пройдет.

— Не ошибаетесь, Прокофий Васильевич? — спросила Дена.

— Нет, Чуешь, в ветерке сипит?

Действительно, едва уловимые признаки мороза уже трогали степь... Черный, сочный чернозем еще не потускнел, но грешники комьев словно потеряли свою маслянистость...

Через несколько минут машина пошла в станицу, а вечером старики явились в правление подписывать письмо товарищу Сталину.

В письме говорилось о скоте, о садах, пчелах, о строительстве и о полях. Но так как на Кубань тысячи колхозов и в каждом — сотни деа, о которых хочется сказать товарищу Сталину, — все вместить не удалось и, например, от колхоза «Красный Аксай» в письмо пошла лишь одна строчка о зене Федотовой.

Станица Михайловская.

Праздник советской литературы

В Центральном доме литераторов состоялся митинг, посвященный присуждению Советом Министров Союза ССР Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и кинематографии.

За столом президиума — литераторы, удостоенные звания лауреата: прозаики В. Костылев и В. Авдеев, литературовед Б. Мейлах, драматурги Б. Ромашов, Н. Вирта, А. Софронов, автор художественных очерков Б. Галин, автор научно-художественных произведений Н. Михайлов, кинодраматурги М. Блейман, Е. Премешников, Н. Рожков, К. Исаев, И. Маклярский, Б. Апанов, М. Смирнов.

К. Симонов, поздравляя лауреатов от имени президиума: ССП, говорил о серьезных успехах, достигнутых советской литературой во всех жанрах. Радостно, что среди товарищей, удостоенных Сталинских премий, много новых писателей. Многие сделано, но еще больше предстоит сделать. Литераторы страны Советов отдадут весь свой талант, чтобы оправдать доверие партии и правительства.

В. Костылев восторженно рассказал о дореволюционных годах, когда честного литератора ждала «награда» за труд — тюрьма и ссылка. Только советская власть создала все условия для невиданного расцвета литературы и искусства.

— Я один из старых советских драматургов, — говорил Б. Ромашов. — Но старости своей не ощущаю. Где, в какой стране писатель может испытывать столь радостные и счастливые чувства! Большая часть работ для советского народа, для советского театра. Сегодняшний день обязывает нас к многому, он является призывом ко всей нашей драматургии — трудиться лучше, трудиться больше, воспитывать новую смену.

— Я получал Сталинскую премию в тяжелый 1942 год, — вспоминал С. Бородин. — Вместе с нами награды получали авиаконструктор Яковлев, строители советских танков и самолетов. Мы, литераторы, чувствовали, что наш труд идет на вооружение страны. Будем же писать так, чтобы каждая книга, пьеса, картина помогли народу бороться за новые светлые горизонты.

Б. Мейлах отметил, что литературоведение теперь интересуется самые широкие круги читателей. — Народ предъявляет свой счет и нам, теоретикам. Отвечать на этот счет произведений, достойных народа, думать о народе, жить для него, — к этому обязывают высокие награды, полученные сегодня.

— Награждение меня, как очеркиста, — сказал Б. Галин, — лишний раз подчеркивает, какое широкое поле деятельности открывается перед каждым из нас. А. М. Горький любил этот жанр, он посылал людей изучать страну, писать о ней, толкать нас идти на передний край жизни. Сталинская забота заставляет нас лишний раз задуматься: все ли ты делаешь в своем служении народу?

— Мы — солдаты одного из отрядов советской литературы, — говорили сценаристы М. Блейман и М. Смирнов, — и обязаны яростно бороться с глупым влиянием буржуазного искусства, учить людей правде жизни, правде партии Ленина — Сталина.

— Моя работа не роман, не драма, не поэма, не сценарий, даже не очерк, — сказал Н. Михайлов. — В новом жанре научно-художественной литературы у нас пока работают немногие. Наш жанр только еще нарождается, но он будет создан!

— Один из первых поздравительных телеграмм, полученных мною, — сказал А. Софронов, — была телеграмма от коллектива Ротфельд-Мама, где в юности я работал слесарем. Мне пишут, что рады успеху своего бывшего воспитанника. Чувство ответственности перед своим завоном, перед страной испытывает каждый из нас. Мы, писатели страны, строящей коммунизм, вооруженные историческими постановками ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, сделаем все, чтобы оправдать доверие, которым окружают нас народ, партия, товарищ Сталин.

С огромным воодушевлением писатели обратились с приветствием к вождю народов, лучшему другу советской литературы — товарищу Сталину.

ЮБИЛЕЙ ДЕТСКОГО ТЕАТРА

20 лет назад на одной из окраин Москвы появился пестрый фургон. Стежки фургоня оступались, и началось веселое представление. Так родился Московский театр одного зрителя, отмечавший скоро свой двадцатилетний юбилей. В нескольких пьесах, которые показывал театр маленьким зрителям, развлекая по дворам, рассказывалось о школе, о взаимоотношениях детей и родителей, о пионерской организации.

В 1933 году в театр, который перешел к этому времени на стационарную работу, являлась группа детских писателей — А. Бруштейн, Л. Кассиль, Р. Фраерман, Н. Шестаков.

За 20 лет МТЮЗ показал много спектаклей советских драматургов.

Над репертуаром театр работает при постоянном и непосредственном участии своего зрителя. Приятные к постановке пьесы читаются в школах, ребята корректируют и новые постановки, внося поправки и предложения.

В этом году театр вновь воскресит свою былую традицию — бригада актеров со специальными программами будет выезжать в районные клубы и во дворы Москвы.

Первый с'езд писателей МНР

УЛАН-БАТОР. (По телеграфу). В течение трех дней здесь происходил первый хурал (с'езд) писателей Монгольской Народной Республики. В работах с'езда приняли участие 70 писателей, сказители, ухлери — те, кто собирает гениальные творения народа и несет в массы слова мудрой правды.

На открытии с'езда присутствовали премьер-министр МНР маршал Чойбалсан, генеральный секретарь ЦК МНРП (Монгольская народно-революционная партия) Пенсбал, члены правительства, посланник СССР в МНР тов. Бажанов и многочисленные гости.

Первый хурал заслушал доклад о работе оргкомитета Союза писателей МНР и наметил дальнейшие пути развития молодой монгольской литературы. В развернутом решении, принятом с'ездом, говорится о задачах, стоящих перед монгольскими писателями, и подчеркивается необходимость еще более планомерного и тесного сотрудничества с писателями Советского Союза. С'езд избрал правление Союза писателей Монгольской Народной Республики во главе с членом Комитета наук МНР писателем Нангодоржи.

В ответ на приветствие Союза советских писателей СССР, оглашенное на с'езде, президиум первого хурала послал приветственную телеграмму, в которой говорится: «Первым учителем и наставником наших молодых литераторов был великий писатель, пламенный и неутомимый батор советской литературы, родоначальник социалистического реализма Максим Горький. В своем письме к монгольской интеллигенции, написанном в 1925 году, он с присущей ему страстью и мудростью, с удивительным пониманием исторической судьбы нашего народа, подкасал нам слова о великом назначении литературы и о той роли, какую она может сыграть в пробуждении и раскрытии творческих сил народа, в воспитании активных, деятельных борцов за народное счастье. Мы старались идти по пути, указанному великим Горьким. Мы старались познать русский язык, и он стал для нас ключом к сокровищам великой русской литературы. Через нее доходило до нас голос правды, голос совести человечества, голос, зовущий вперед, к светловому будущему, с такой силой звучащий в произведениях русских классиков и советских писателей. В бескрайних степях Монголии, подобно солнцу, засияли имена М. Горького, А. Толстого, Д. Фурманова, В. Маяковского, Н. Островского, их произведения стали близкими и дорогими сердцу монгола...

Пусть же растет и процветает, подобно месяцу полнолуния и цветку благодатной земли, великая советская литература, зовущая к светлому будущему, к коммунизму.

Пусть растет и крепнет наша братская дружба».

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. Ф. Авдеев

Т. М. Кершеев

В. К. Кетлинская

И. А. Козлов

И. И. Ликстанов

Н. Н. Михайлов

НОВОЕ ПОБЕЖДАЕТ

После окончания спектакля бархатный шпур задержал в фойе часть зрителей. Остановившись у мраморной лестницы, люди продолжали оживленный спор о только что показанной пьесе.

— А вы полагаете, батенька мой, у нас в институте такого не наблюдается? — густо гудел, по-волжски напирая на «о», грузный сей человек с необыкновенно живо поблескивающими молодыми глазами. — И Милитин есть, и Мединцев, батенька мой, имеется. И вот уже где, изволите ли знать, они у меня сидят...

Внезапно разъярившись, он похлопал себя крупной рукой по затылку.

А кто-то, скрытый толпою, обращался к девушке, одетой в военную гимнастерку со следами недавно спорных погон:

— Гипербола? Да какая же это гипербола? Послушайте-ка разговор диссертантов в курилке Ленинской библиотеки. Иной только и сыплет: «Джонс...», «Иоганнес...». Этких авторитетов и у них на родине ни во что не ставят, а для нашего заучившегося пижона, что ни вылезет эткий Джонс со своего нэстеса, то и окажется непревзойденной истиной. Нет, нет, это не гипербола, об этом давно подумать пора...

— «Проквозило...» — повторила позади женский голос реплику не только что виденной пьесы. — Вот верно сказано. «До сих пор простуженный ходит...»

Спектакль шел в Малом театре. Пьеса, которая вызвала такую оживленную реакцию зрителей, называлась «Великая сила».

Б. Ромашов написал эту пьесу вскоре после войны. Он долго, кропотливо работал над нею, и от варианта к варианту большая правда жизни вытесняла из пьесы мелкие личные конфликты и вводила на их место спор идей, спор прогресса с косностью.

В пьесе решались кардинальные проблемы, волнующие советскую интеллигенцию, и она остро захватывала зрителей.

Положение нашей науки за последние два десятилетия достигло небывалых высот. Возможности, открытые в нашей стране перед ученым, работающим во имя человеческого блага, поистине безграничны. И тем не менее как можно быстрее освободить научную среду от всяких пережитков капиталистического прошлого.

Основной конфликт пьесы воплощен в

споре двух главных действующих лиц — профессора Лаврова и профессора Милитина. Они не только сослуживцы по научно-исследовательскому институту. Они связаны многолетней дружбой, общей судьбой. Советская власть для обоих открыла возможности широкого творческого научного труда. Без этого оба не смогли бы прийти к науке. К тому же Лавров и Милитин — сверстники. В списке действующих лиц автор обозначает след за обоими именами — «48 лет».

И все же, это совершенно разные люди. Павел Степанович Лавров — подлинно советский ученый, в чистейшем смысле этого слова. Он — человек государственного и притом социалистического мышления. А Трофим Игнатьевич Милитин заражен многими вредоносными бактериями, оставшимися от старой, буржуазной науки. Одна из таких бактерий поселилась в нем рабское угодничество перед всем «заграничным». Другое — развратили его заботы о личной славе, поставленной превыше заботы об общем благе, ачуждены своекорыстием, стремлением к маленькому домашнему благополучию...

Два этих образа выражают два противоположных, непримиримых взгляда на самое существо советской науки, на ее цели.

Дом Лавровых пронизан свежим ветром жизни, для которого равно гостеприимно открыты и окна комнат, и сердца людей. Этот ветер жизни привнес Лаврова к его работе. Он окуная в живое дело молодого Виктора Лаврова и разжигает огонь творческих стремлений в душе дочери профессора — Любы Лавровой.

Она милагинская дача были открыты навстречу иному ветру, иному от заката, с гнилых, заросших болот.

В конфликте передовой, неустанно ищущей, подчиненной великим задачам человеческого блага советской науки с наукой буржуазной, косной, извращенной, — одерживает победу передовая, творческая советская мысль.

Об этом и написал свою яркую, страстную пьесу Б. Ромашов.

Она завоевала признание и благодарность многих тысяч зрителей, и благодарность эта выражена в высшей награде писателя — в Сталинской премии, присужденной драматургу.

Т. МОТЫЛЕВА

СМЕЛОСТЬ ИСКАНИЙ

Награждение Веры Пановой Сталинской премией за «Кружильку» — событие радостное и поучительное.

О «Кружильке» немало спорили. Когда книга вызывает желание поспорить, когда о ней наперебой стремятся высказаться не только профессионалы-литераторы, но и читатели, — этот факт сам по себе доказывает, что писателю удалось поднять реальные, жизненные вопросы.

В романе не осталось почти ни одного действующего лица, по поводу которого не были бы высказаны те или иные соображения «за» и «против». О людях, созданных воображением художника, спорили, как о живых. Разве не было это своеобразной формой читательского признания?

В романе нарисован коллектив советских людей. Идет война. Перед лицом тяжелых испытаний простые, рядовые советские люди — разного душевного склада, разных поколений — совместно делают большое, полезное народу дело. И это дело — главное, что есть в их жизни. Таково было содержание «Спутников». Таково и содержание «Кружильки».

Однако в «Спутниках» эта идея морально-политического единства советского народа была раскрыта на материале, хорошо знакомом и близком автору. В «Кружильке» писательница столкнулась с кругом явлений, несравненно более сложных. Рассказать о большом заводе оказалось во много раз труднее, чем о людях санитарного поезда. Но в самой попытке освоить новый, важный жизненный материал проявилось мужество писательницы, ее новаторская смелость.

Уже много говорилось в критических статьях о портретном мастерстве Веры Пановой, о ее психологической наблюдательности, поразительной зоркости в деталях, умении выбрать нужное, точное слово. Все это есть в «Кружильке». Но есть в ней не только это. Роман проникнут любовью к советскому человеку, гордостью за него.

Большинство персонажей «Кружильки» по своему общественному положению — те, кто в современном буржуазном мире принято считать «маленькими людьми».

Со страниц западной литературы смотрят на нас рядовые люди капиталистического мира, отдавшие во власть страха, подавленные жестокой бессмысленной подневольностью своего бытия, отравленные ядом реакционных предрассудков. Взгляд на человека, как на беспомощное и от природы своей порочное существо, имеет самое широкое хождение в литературе Запада.

В диаметрально противоположном направлении развивается советская литература. Все более полно, разносторонне, уверенно раскрывает она процесс роста рядовых тружеников — строителей и хозяев социалистической Родины, типические черты простого советского человека — чувство достоинства и товарищеской солидарности, любовь к труду, деятельное, творческое отношение к жизни.

Особенность В. Пановой в том, что она стремится показать тернику советской жизни, выбирая самые будничные, внешне неэффективные характеры и ситуации. Она хочет показать скромных, рядовых советских тружеников в сложном, противоречивом переплетении разнообразных качеств — и тех, которые привиты советским строем, и тех, что унаследованы от прошлого. Она хочет рассказать о хороших людях, не утративших из их складках, о превратностях и осложнениях их жизни.

В «Кружильке» идет речь о людях, которые во многом несовершенны, которые далеко не во всем могут являться примером для подражания. И все же почти каждый из героев романа несет в себе частичку того нового, что воспитано в человеке советским укладом жизни. Мы чувствуем это новое не только в кипучей творческой

энергии Листопада, но и в осознанном трудолюбии семьи Веденева, и в мальчишеском задоре Тольки Рыкова, и в душевной чистоте Саши Ковнеговского, и в отзывчивости Анны Ивановны, и в трудовой неутомимости, в широте кругозора старой украинской колхозницы — матери Листопада, и во многом, многом другом... Панова не ставила себе задачи воплотить духовный и моральный идеал советского человека в каком-либо одном образе. Но черты этого идеала присутствуют во многих ее героях. Каждый из них по-своему свидетельствует о громадном облагораживающем влиянии, которое оказывает социалистический строй на многие миллионы людей.

Писательница очень осмыслительно обращается с большими словами. Она видит и стремится показать, с каким трудом, какими нелегкими путями осуществляется превращение больших слов в большие дела. Она видит дистанцию, которая нередко отделяет действительное от желаемого. Именно поэтому в состоянии она создавать книги, которые волнуют читателя верностью непосредственных жизненных наблюдений, — создавать образы людей, в которых читатели узнают соседей и знакомых.

Иные критики ставили в вину Пановой, что она вывела в своем романе несколько персонажей, явно отталкивающихся, таких, например, как Удечкин. Эти упреки неосновательны. Разве не встречаются еще в нашей жизни удечники, которые мешают работать и идти вперед?

Недостаток произведения не в том, что в нем намечены реальные жизненные конфликты, а в том, что конфликты эти порою искусственно сглаживаются. Идеалистическая сцена примирения Листопада с Удечкиным; стремительная «перековка» бламейстера Мирозова; прощение передовым рабочим Веденева (а заодно и автором) кулака Мартынова, который «отобрал» свои грехи; снисходительная интонация в описании эгоистического, меркантильного поведения Лидочки — вот что звучит в повести диссонансом. Писательница наглядно, на ряде примеров показала живучесть буржуазно-индивидуалистических навыков, вредность пережитков прошлого, сказывающихся в поведении иных советских людей. Именно поэтому читатель вправе был ждать от автора «Кружильки» большей непримиримости по отношению к пережиткам прошлого, большей последовательности в изображении борьбы нового со старым.

По все-таки важно видеть, что не эти недостатки — сколь бы значительны они ни были — определяют внутренний пафос и сущность «Кружильки». Вера Панова создала увлекательную и честную книгу, которая дышит любовью к советской Родине и во многом удачно воссоздает правду советских будней. «Кружилька» не только воспроизводит настоящее, но и устремлена в будущее. Разве не проникнут романтикой будущего заключительный, лирический-возвзонованный монолог Листопада?

«...Будет ли день, когда человек скажет: «Я всем доволен, прямого благодарен, мне больше ничего не надо»? Никогда не будет такого дня. Всегда раскрыта земля для новых семян, и никогда не сняты леса для строительства. А кто произнес такие слова, тот мертв, от него нечего ждать живых».

Эти строки имеют ближайшее отношение к нашей литературе. Читатель — какое бы талантливое произведение он ни прочел — не скажет: «Я всем доволен, мне больше ничего не надо». Советский читатель имеет право на недовольство тем, что достигнуто художником, даже если достигнуто многое. Однако страна наша умеет ценить и награждать талантливого художника не только за беспорочную удачу, но и за смелость исканий, за выбор трудного пути.

ВЕЛИЧИЕ ВРЕМЕНИ

Владимир Сосюра — один из зачинателей советской украинской поэзии. Песня Сосюры родилась на фронтах гражданской войны. Уроженец Довбасса, сын шахтера, сам с детских лет работавший в шахте, Владимир Сосюра юншей вступил в ряды Красной Армии.

Поселок над Донцом, где виснет дым завода, И музыка в саду, и поезд в семь часов... Как не забыть мне век родную Третью роту, Так не забыть мне вас под бег седых годов.

Зима. На фронт, на фронт!.. А провозжати много, И пеня «Чумака», телушки и перерон... И с нами молодость, и радость, и тревога... Борьба связала нас, собрав со всех сторон.

Так вспоминает Сосюра свое поэтическое рождение. Одним из первых обратил внимание на молодого поэта Юдура Вагрикский; он с похвалой отметил революционную лирику книжки Сосюры «Красная зима». За «Красной зимой» последовали новые сборники, и Владимир Сосюра вскоре по праву занял одно из первых мест в украинской советской поэзии.

Первые годы сталинских пятилеток Сосюра приветствовал поэмой о Днепрострое. Он создавал живые образы строителей социализма в таких стихах, как «Кривоножка», «Учительница», «Рабфаковка». В эти же годы поэт написал стихотворение о Сталине:

То имя — как трубы призывный звук, В борьбе за свет всегда ты перед нами. Тебя до звезд вносили миллионы рук, Чтоб ты сиял, как знамя над веками.

В годы Великой Отечественной войны В. Сосюра создал много боевых патристических стихов и поэм, которые в разгар битвы за освобождение Харьков, Полтавы, Киева печатались во фронтовых газетах.

Стихи поэта, обращенные к землякам, не смирившимся под пятой оккупантов, переносились в тайно распространявшиеся украинскими партизанами.

Послевоенные стихи В. Сосюры собраны в его недавно вышедшей книге — «Чтоб сады шумели». Проникновенная и задумчивая книга эта звучит, как радостная симфония победы, завоеванной народом, как симфония счастья, защищенного от врага. Она воспринимается так, точно автор все эти стихи произнес одним дыханием. И хотя в книге собраны стихотворения на разные темы, но ее стройность, ее взволнованная лиричность определяются лейтмотивом — любовью к Родине.

Поэт приветствует свою расцветавшую Родину, залечивающую раны войны:

Україно моя, срібний спів солов'я, Шум заводів, моя Україно!

Як сад повесні, наче зорі ясні, Розцвітає моя Україно.

Поэма «Огненные дороги» повествует о войне, прошедшей все огненные дороги войны — от Сталинграда до Берлина и с победой вернувшейся в родную донецкую шахту, где уже откачали воду и снова стали добывать уголь. С полем сражений человек вернулся строить свое счастье и счастье своего народа.

Иной раз поэту нужна самая небольшая деталь, чтобы осветить целую картину; и белое вышитое полотенце в руках фронтовика, и шум возрожденной шахты — все отражает силу и радость восстановленной жизни.

Для стихов В. Сосюры характерно проникновенное ощущение исторического величия времени, нашей сталинской эпохи. Стихи об украинском народе переработаны в стихи о народах всего Советского Союза, о радости всеобщего вдохновенного, созидательного труда.

«Для тебя, мой народ, играю я на струнах моей души», — говорит Сосюра в одном из лирических произведений, мечтает о том,

Чтоб пісні мої стали достойні Золотого народу мого.

От души написанные патристические стихи, песни В. Сосюры достойны его золотого народа.

М. ПАПАВА

ЛЮДИ В СТЕПИ

Радостно видеть, что каждый год все новые и новые имена появляются среди писателей, отмеченных Сталинской премией. Это свидетельство здоровья и неунывающего движения вперед нашей советской литературы.

Среди лауреатов 1947 года — молодой писатель Виктор Авдеев. Он получил премию третьей степени за повесть «Гурты на дорогах». Сюжет этой повести, казалось бы, очень несложен. Это рассказ о том, как в дни наступления немецких полчищ животноводческий совхоз «Червоный херсон» был переброшен из украинских степей в донские. Движение гуртов скота по дорогам войны, степь, меняющая свой покров от летнего убранства до первых заморозков, и люди, советские люди, самоотверженно выполняющие свой долг перед Родиной, — показаны в этой повести.

Авдеев нигде не переходит в авторские ремарки и рассуждения, но в самом развитии повествования, в этом неунывающем и успешном продвижении гуртов из украинских степей в донские рождается образ направляющей и организующей воли государства.

Именно поэтому так спокойно и уверенно могут выполнять долг «Червоного херсона» свой долг. Эвакуация в изображение Авдеева — не панника, не отчаяние, это — осуществление неосвоенных предуманных и разработанных планов.

«Гурты на дорогах» — так назвал свою повесть В. Авдеев. Однако мы не случайно озаглавили нашу статью «Люди в степи». Именно люди и составляют предмет пристального внимания молодого писателя. Поставив их в труднейшее общественное положение, Авдеев правдиво и поэтично показывает крепость и внутреннюю душевную чистоту наших людей, способных их до конца, без остатка отдать се-

бе служению Родине, выполнению долга.

Старший зоотехник Вережкин, директор Козуб, совсем еще юная ветфельдшерка Гали Озаренко, один из табунщиков Омелько, старуха-скотница Параска, — все они как бы внутренне раскрываются перед нами, прогоняя свои гурты по дорогам войны. В повести нет ни тени диалектизма или декоративности. Но как прелесть и естественность Авдеев каждое происшествие и случай, возникающие на пути движения стада, чтобы рассказать о внутреннем мире своих героев, и как выскателен и по-хорошему придиристый автор к ним. Высокое чувство ответственности за судьбы Родины и личная ответственность каждого за порученное ему дело — вот требования, которые предъявляет писатель своим персонажам. Хмурий и немногословный Вережкин становится подлинным героем повести не потому, что автор решил наделять его тьмой положительных качеств, а потому, что каждый раз, когда Вережкин что-то решает и что-то делает, мы соглашаемся с ним. Он работает и живет во время войны с максимальной требовательностью к себе. Кривоногий и неказистый на вид табунщик Омелько кажется нам удивительно красивым, когда он отвлекает на своей лошади погнавшегося за ним немецкого асса, тем самым отводя его от стада. Старуха Парасковья, скрупулезная отшельница от движения гуртов, чтобы выжить нового бычка, рожавшегося в заброшенной балке, движима тем же чувством высокой личной ответственности каждого в дни величайших испытаний.

В Вережкине, в директоре Козубе, в Омельке, Парасковье мы видим подлинную душевную красоту советского человека. А вот Кулибаба — другое дело: если бы не война, может быть, мы и не узнали бы

«драку с махистами». — Помилуйте, в этом смелости и закатиться. Вой абсолютны неизбежны.

Замечательной особенностью Ленина-публициста (и это хорошо показало В. Мейлах) является его постоянное использование художественной литературы, как идейного оружия в борьбе с врагами. В том, что В. Мейлах говорит об использовании Лениным образов Гоголя, Некрасова, Шедрина, хочется добавить Чехова, — достаточно вспомнить ленинские слова о «политических чудаках в футляре» или о «социал-демократической душещепке», меньшевика Старовере, о котором Ленин писал: «Приветствуем «Освобождение» тов. Старовера, продолжаем в новой «Искре» кататься в грехах, соединяя им (по неразумности) участие в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала в антресейном и говорила: «Мы с Ванюшкой ставим серьезные пьесы. По той жила она с торговцем лесом и говорила: Мы с Василькой возмущены высеканием тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: Мы с Болычкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер: «Мы с Лениным» ругали М. Горького. «Мы с Лениным» ругали М. Горького. Милая социал-демократическая душещепка! в чьих-то объятиях очутиться ты завтра?»

Книга В. Мейлаха насыщена большими конкретными историко-литературными материалами. Автор стремится идти за Лениным, указывая, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (а) исторически, (б) лишь в связи с другими, (в) лишь в связи с конкретным опытом истории».

Есть в книге В. Мейлаха и немало спорного, а кое-что и просто неверно. В предисловии автор правильно говорит о том, что «ленинская периодизация положена в основу построения истории нашей литературы». Но в самой книге эти важнейшие для всей нашей историко-литературной науки вопросы не освещены.

Возражение вызывает характеристика А. Н. Веселовского, которого автор приводит в качестве примера... «бессознательного приближения к историческому материализму».

Недостатком работы является то, что годное исследователя звучит порой сухо и академично. Отрывки из ленинских работ — изумительно яркие, живые, интересные всем богатством интонации и отвлеченные еще больше подчеркивают это.

Книга В. Мейлаха «Ленин и проблема русской литературы», бесспорно, является лучшей работой на эту тему. Впервые проблематика ленинских работ, связанных прямо или косвенно с вопросами русской литературы, раскрыта так глубоко и последовательно на конкретном историко-литературном материале.

Эта книга — шаг вперед нашей советской литературной науки, свидетельство о силе и роста.

...В воспоминаниях Горький приводит свой разговор с Лениным в первые дни революции о советском литературоведении.

«Я говорил, — пишет он, — что... считал совершенно необходимым организацию Литвуза с кафедрами по языковедению, историческим языкам — Западу и Востоку, — по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской».

Гм-гм, — говорил он (Ленин) прищипываясь и похаживая. — Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а, вот — ослепительно будет, а? Словом профессор у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут. Нет, сейчас нам этого не подыять. Голос три, пятюк подождают надо».

Как много завоевано с тех пор советской литературоведением! Есть у нас теперь наши советские вузы, где идет глубокое, напряженное изучение и фольклора, и языковедения, и истории всемирной литературы, и отдельно — русской. Есть у нас теперь свои советские профессора, которые двигают вперед литературную науку в беспощадной борьбе с эпигонными буржуазными либерализмом, с которыми всегда вдал Ленин — без пощады и снисхождения.

И читатель с презрением отвернется от этой фигуры. Он отбросит и потребуетскую философию Успенского, уверяющего в себе слабейшего, который оказывается лишь плавающим, себялюбивым человеком.

Может показаться, что в повести личные отношения Вережкина, Гали Озаренко и Успенки — лишь обычный любовный треугольник. Нельзя же, дескать, все пристрастие к этой линии, мы увидим, что и здесь высказательный автор испытывает свою молодую героиню, испытывает с пристрастием, как бы она ему ни нравилась. Ее временное увлечение находчивым, дерзким и красивым Успенским сменяется в конце пути безразличностью к его маленькому и пошлему внутреннему миру. Чувство, возникающее под конец у Гали к Вережкину, основано на восхищении перед большим и принципиальным советским человеком, перед его душевной чистотой и силой. Гали научилась отличать сорняки от настоящих людей. Она взрослеет в этом путешествии. Рождается новый советский человек.

Степь, на фоне которой идет повествование, — тоже своеобразное действующее лицо. Пейзажи степи, отлично подмеченные писателем, органически входят в повесть. Этот фон степи, неторопливо меняющий свои уборы, придает какую-то особую и эстетическую достоверность повести о великом подвиге простых советских людей.

Б. М. Агапов

Е. М. Помешников

М. Н. Смирнова

Ю. П. Герман

Н. В. Рожков

И. И. Бачелис

И. Б. Макларский

К. Ф. Исаев

М. Ю. Блейман

Л. СЛАВИН С ПОЗИЦИЙ ЖИЗНИ

Творческий путь Бориса Галина отличается редкостью цельностью. Он никогда не менял однажды избранному жанру. Очерк, только очерк, ничего, кроме очерка. От книги к книге («Переход», «Испытание», «Бог войны») росло его мастерство. Последними своими произведениями, удостоенными Сталинской премии, очерком «В Донбассе» и в особенности документальной повестью «В одном населенном пункте», Борис Галин доказал, что никакой жанр не ставит пределов ни творческому воображению, ни правдивости описаний, ни совершенству изобразительных средств.

«С позиций жизни» — так называется одна из глав очерка «В Донбассе». Эти слова могут быть эпитафией ко всему творчеству Бориса Галина.

«Активное вторжение в жизнь предполагает, — формулирует Галин свое писательское кредо в очерке «В Донбассе», — что и сам литератор — не пассивный созерцатель и регистратор происходящего, а человек, идущий вперед, боец передовой линии огня».

Так же оценивает он и своих героев. Их положительность или отрицательность определяется для Галина степенью их жизненной активности, их качествами борца.

«Чего ему нехватает?» — спросил Егоров. И он долго молчал, размышляя над тем, чтобы найти правильный ответ. — А вот чего, — сказал Василий Степанович и повернулся ко мне. — А вот чего, — повторил он, — умения видеть жизнь в движении» («В одном населенном пункте»).

Герой очерка «В одном населенном пункте» «штатист» Пентелев видит свою задачу в том, чтобы люди, которым я читаю лекции, почувствовали горячий отблеск жизни».

Годы вражеской оккупации другой персонаж того же произведения определяет, как «паузу в жизни».

«Какая это была мрачная, тяжелая пауза в жизни человеческой!.. Человек должен жить и творить, а не прозябать. Жить и творить!»

Борис Галин — писатель политический в каждой своей строке.

Известно, что «не политический» писатель нет. Самая аполитичность является не чем иным, как политической платформой. Нежные лирические «шпигель», робкое дыхание, трели соловья» были для Галина выражением его антибюрократического отношения к жизни.

Художественная публицистика Бориса Галина пронизана яркой политической тенденцией писателя-коммуниста. И этот страстный политический накал сообщает его произведениям силу художественной выразительности.

Портрет районного пропагандиста Пентелева — одно из удачнейших созданий Галина. Это человек неутомимой энергии. Он всегда на самом трудном участке работы, всегда с людьми, помогает им, учится у них. С большой художественной силой показал Б. Галин руководящую роль партии в воспитании советских людей.

Реалистический талант Галина формировался на стройках великих сталинских предприятий. Никогда производственные процессы не имели для него, в отличие от писателя, значения второстепенного.

Портрет районного пропагандиста Пентелева — одно из удачнейших созданий Галина. Это человек неутомимой энергии. Он всегда на самом трудном участке работы, всегда с людьми, помогает им, учится у них. С большой художественной силой показал Б. Галин руководящую роль партии в воспитании советских людей.

Реалистический талант Галина формировался на стройках великих сталинских предприятий. Никогда производственные процессы не имели для него, в отличие от писателя, значения второстепенного.

которых других писателей, самодовлеющего значения. Не мертвая поэзия техницизма, не бездушно-«живописное» изображение гигантских агрегатов, — а человек, живой советский человек, растущий, борющийся, побеждающий, стоит в центре его пристального писательского внимания. Отсюда увлекательность произведений Галина. Не сюжетом, не хитросплетениями интриг держит он читателя, а тем, что современник узнает себя на этих страницах. Правдивая сила советских людей, их повседневный патриотический подвиг, их партийность, изображение которой особенно удается Галину, сообщают неотразимую привлекательность его героям, будь то инженер Андреев, или пропагандист Пентелев, или старый горный мастер.

Галин умеет тонко отнестись душевное свойство, в высшей степени характерное для советского человека: соединение презовой практической деловитости с высокой романтической настроенностью.

Как часто герои Галина живут стихиями! «Близко к жизни и чутко к большому поэзии...» — говорит один из них.

У пропагандиста Пентелева сохранялась еще со времен первой пятилетки «...тетрадь в клеенчатом переплете. Сюда я заносил свои заветные мысли. На первой странице клеенчатой тетради было записано: «Жить просто — мыслить возвышенно». А ниже вторая запись: «Когда хочешь — все достижимо».

Тетрадь эту Пентелев пронес сквозь все жизненные скитания. Участник первых социалистических строев, боец Отечественной войны, Пентелев в наши дни призывает на одну из шахт, чтобы провести беседу с рабочими.

«Я вынул из своей полевой сумки конспект доклада. Вместе с конспектом из сумки выпала моя старая тетрадь в клеенчатом переплете, на первой странице которой было написано: «Если хочешь — все достижимо». На записках лежал датский ответ эпохи первых сталинских пятилеток... Прямо передо мной на стене висела карта с военной обстановкой весны 1945 года... Я воспрянул в своей памяти прошлое — наше прекрасное прошлое, те корни жизни, от которых мы, молодое поколение, растем, и ключом к беседе я беру записки моей далекой юности. — Вот перед нами страна, — говорю, я, — Варбос назвал ее страной сознания и долга. Вот она, с ее жаждой истины, с ее антиутопизмом, с ее весной. Она выделяется на карте мира не только тем, что нова, но и тем, что чиста...»

Среди читательских откликов на очерк Галина «В одном населенном пункте» есть одно письмо, в котором мы читаем: «18-е июня... Написала эту дату (годовщина смерти Горького) и вспомнила о Максиме Горьком — и мне захотелось, он бы похвалил вас...»

Да, великий художник приветствовал бы зрелое мастерство очеркиста Бориса Галина, ранние опыты которого он встретил когда-то с таким вниманием.

Впервые в лице Бориса Галина удостоен Сталинской премии жанр очерка.

Это высокое признание по праву вводит очерк в ряды большой литературы.

Александр ИВИЧ ИЗМЕНЕННЫЙ МИР

Страна в стремительном движении. За тридцать лет неузнаваем стал ее облик. Промышленность не только выросла, — переместились ее центры. Раскрыты богатства недр, поставившие СССР на первое место в мире по важнейшим ископаемым. Зацвели пустыни, осушены болота, вырастали новые леса и новые плодовые деревья. Снимаются невиданные урожаи с полей.

Как охватить одним взглядом все эти перемены?

Карта. Кружочки новых городов, голубые линии новых каналов и новых речных русел, черные линии новых железных дорог, значки новых заводов, фабрик и рудников.

Н. Михайлов прочел карту Родины точно, умно и поэтично. Его книга, говоря формально, — географическая; на самом деле, она шире: это история великого тридцатилетия, отраженная в географии.

В книге — факты, только факты, но в каждом из них отражается характер и целенаправленность созидательного труда, его социалистическое содержание. Речь в книге идет о стали и рыбе, о нефти и пшенице, о новых путях сообщения и о льдах Арктики, и все же «Над картой Родины» — это книга не о вещах, а о людях, не о мертвой, статичной географии, а о созидании нового облика страны. В книге есть герой. Этот герой — народ-созидатель.

Н. Михайлов сумел показать взаимную связь самых различных участков нашей страны. И это очень важно. Ведь каждый из нас вносит свой вклад в какую-то одну область общего дела, читает книги, смотрит пьесы и фильмы об отдельных участках работы. О чем бы ни рассказывал Михайлов, он все время заставляет читателя видеть страну в целом.

Найти и отобразить множество интересных сведений, собранных в книге, мог только ученый с очень разносторонними знаниями. Воздвигнуть из них цельное знание мог только художник, взглянувший на карту не бесстрастным академическим взглядом, а взглядом патриота, участника пересоздания этой карты.

Факты, приведенные автором, настолько значительны, что они не иллюстрируют, а излагают тему книги. В сопоставлении, в столкновении они рожают публицистическое звучание книги.

В книге Михайлова есть романтика народного труда, показанного как подвиг. Эта романтика не затерялась, не растворилась в тысяче фактов, сообщенных автором. Она усиливает страсть к продолжению великого дела. В этом воспитательное значение книги «Над картой Родины», одно из лучших произведений научно-художественного жанра, в котором советские писатели сказали новое в мировой литературе слово.

Прошедшим летом в Симферополе я видел картину художника М. Щеголова: городская улица, на углу — немецкий патруль и шпик, стена дома оклеена приказами немецкой комендатуры, по тротуару движется старик-стеклощик. На нем старое, замасленное, рваное пальтишко, облезлая шапка-ушанка. Одной рукой он опирается на палку, в другой руке — ящик с инструментом, куски стекла.

Старик-стеклощик — это Иван Андреевич Козлов, автор уже известной стране книги «В Крымском подполье». Ему шестьдесят лет. В большевистской партии — с 1905 года. Крымское подполье — время Отечественной войны — его шестое подполье: он активно работал в большевистской партии в период царской реакции, затем в Екатеринбурге и Николаеве — при немцах и петлюровцах; был членом подпольного ревкома в Севастополе, когда там хозяйничали англо-французские интервенты и белогвардейцы; в 1919 году три Деникине был секретарем Харьковского губернского подпольного комитета и, наконец, во время Отечественной войны стал одним из руководителей крымских большевиков.

Эти биографические данные необходимо привести потому, что П. А. Козлов не только автор книги. Как бы скромно ни писал он о себе, как бы ни старался остаться в тени, — мы не можем не опустить в нем героя этой книги, негасимого большевика, беззаветно преданного делу Ленина — Сталина.

Война застала Козлова в московской газетной конторе. Он выгнанный досрочно, после тяжелой операции, получил строгий наказ: не заниматься физическим трудом, не читать, не писать, не волноваться, быть под постоянным наблюдением врача. У него сохранилось пятнадцать процентов зрения. Почти слепой старик. Но радио он услышал речь товарища В. М. Молотова и понял, что каждому нужно вернуться к месту своей работы — в Симферополь. Ему предложили эвакуироваться вместе с женой и детьми. Он категорически отказался.

Началась эпопея героической подпольной борьбы против фашистских оккупантов. Самые рьяные советские люди втягивались в эту борьбу не на жизнь, а на смерть. Они прощали невзгоды в истории героизма.

Александр Андреевна Володина — она же «Муса» — до прихода немцев преподавала географию в школе. И вот мы видим, как она идет по городу, а в ее «авоське» меж картошкой и луком лежат аккуратно завернутые в тряпку магнитные мины и листовки. Вокруг этой отважной женщины объединялось больше пятидесяти патриотов: они вели разведку, устраивали диверсии, помогали выпускать военнопленных, распространяли листовки.

Беспартийный рабочий обувной фабрики — сапожник Семен Филиппович Бокун превратил свою мирную квартиру в место подпольных явок.

Рядовая советская женщина Аннушка Наумова скрыла у себя бежавшего из гестапо раненого комиссара полка.

Сергей Шевченко — бывший инструктор физкультуры — устроился воеводичем в отделении Заготзерна. Жена его Ольга Федоровна — домашняя хозяйка. Муж возглавлял одну патриотическую группу, жена — другую.

Огромную роль играла молодежь: Борис Хохлов, Николай Долетов, Лидя Трофименко, Женя Семьяков, Зоя Рухадзе и т. д. и т. д. Они тоже ничем особым не выделялись из общей массы советской молодежи. Секретарь подпольной комсомольской организации и ее комиссар Борис Хохлов искренне смущался, когда однажды, говоря об их деятельности в «немецком тылу», Козлов произнес слово «героическая». Все, что они делали, казалось ему естественным, само собой разумеющимся.

Подобно людям старшего поколения, они бесстрашно жертвовали своей жизнью во имя спасения Родины. Многие из них погибли в застенках гестапо.

Познакомившись и сдружившись со всеми героями крымского подполья, узнав их жизнь, мы постигаем и то главное, решающее, что определило линию их поведения и сделало их действительными героями нашего времени.

Разгадку их героического поведения нужно искать в той всеобщей социалистической закономерности, которая делает обычного, рядового советского человека хозяином, строителем и борцом, готовым идти на любой подвиг во славу социалистической отчизны.

Партия большевиков направляла деятельность всех этих людей, поднимала их, вела. Книга о крымском подполье озарена пафосом партийности. Козлов рассказывает о том, как крымские большевики в тяжелые дни, когда враг приближался к Крыму, организовали будущее подполье. Это было сделано основательно, умело. Автор не скрывает промахов, неудач. Были и трусы, и провокаторы. По им противостояла крепко сколоченная, хорошо руководимая организация.

Коммунистическую партию в мемуарах П. А. Козлова представляют многие борцы, и в том числе «Андрей» — автор воспоминаний.

Перед нами раскрывается образ старого большевика, мастера подпольной борьбы, который действует, основываясь на огромном опыте, руководствуясь алым партийным чутьем. Его нелегко провести, не так-то просто заманить в ловушку. Он искусно минует все засады, расставленные врагом. Он хорошо разбирается в людях и безошибочно судит о них, об их возможностях. Он находит ключ к сердцу каждого члена своей организации, будь то зрелый, много испытавший человек или совсем еще юный, легко увлекающийся комсомолец.

Взаимоотношения «Андрея» с комсомольцами, действовавшими в крымском подполье, — образец того, как партия руководила работой молодежи во вражеском тылу. Книга посвящена памяти погибших. Но, вспоминая прошлое, автор думал о настоящем и будущем.

«Пусть их светлый образ и героические дела послужат примером для нашей славной молодежи в борьбе за торжество коммунизма».

КНИГА О МУЖЕСТВЕ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Конеч августа 1941 года. Группа мужчин и женщин роет на подступах к Ленинграду окопы. Под артиллерийским и минометным обстрелом врага, под дождем и холодным ветром люди работают ожесточенно. К вечеру окопы готовы, однако они никому не нужны. Армия отступает, не задерживаясь на этом рубеже. Строители с горечью смотрят на отступающих. Войны вылетят из окопов, потому что уже отходит последнее прикрытие, и они, вскинув на плечи кирки и лопаты, шагают по дороге в город.

Завтра им придется рыть окопы на новом рубеже. С каждым днем сжимается кольцо вокруг родного города. Враг бросил на штурм Ленинграда отборные дивизии головорезов, массу военной техники. Мария Николаевна Смолина, архитектор по профессии, добровольно выходившая на рытье окопов, отстала от подруг. Она шагает по обочине, стараясь ни о чем не думать, не вспоминать. Крышу грузовика задевает ее. Она отскакивает в сторону и бредет одна по вязкой грязи, всхлиывая и качаясь — то ли от усталости, то ли от стыда и отчаяния.

Так начинается роман Веры Кетлинской об осаде Ленинграда. Осада. Как много выражено одним словом. Это — непрекращающийся артиллерийский обстрел города, это — тучи «конверсов» в небе, оглушительные взрывы фугасов, тысячи зажигательных бомб на крышах, это — отсутствие газа, электричества, топлива, замерзшие и лопнувшие водопроводные трубы. Наконец, это — голод. Голод дательный, беспощадный, уносящий ежедневно множество жертв.

Изображение быта осажденных в романе отведено немало страниц. Есть сны, потрясающие своим драматизмом, трагичностью. Однако страницы эти не вызывают безнадоедного уныния. Они пронизаны скорбной и в то же время жизнеутверждающей, мужественной мелодией.

Советские люди победили в Великой Отечественной войне. Они победили благодаря превосходству своего общественного строя, превосходству своих моральных качеств, воспитанных партией большевиков. Поэтому в фильме «Подвиг разведчика», рисуя один из эпизодов боевой деятельности советской разведки, офицер-коммунист, заброшенный в глубокий тыл противника, побеждает в смертельной схватке с фашистами, уверенный в своей правоте, в непобедимости своего народа. Спешаристы М. Блейман, К. Исаев, И. Макларский, режиссер В. Барнет, художник М. Уманский и артист П. Кадочников, показывая социалистические качества характера советского человека, как основу героического подвига.

В годы боев за свободу и независимость Родины каждый честный человек должен был найти свое место в рядах еражающегося народа. Ученый Миллас, которого политика буржуазных правителей Эстонии заставила замкнуться в цитадели индивидуализма, должен был прийти к своему народу, борющемуся против фашизма рядом с великим русским народом. Коллектив артистов Эстонской ССР (Х. Лаур, Л. Лаате, Л. Раяла) под руководством режиссера

среднеазиатских пустынь. В фильме, созданном узбекскими мастерами К. Ярматовым, А. Исмаиловым и П. Хамраевым, образ Навои несет бессмертную идею о служении искусству народу.

Передовую науку поставил на службу народу великий русский хирург Пирогов. В фильме режиссера Г. Козинцева (сценарий Ю. Германа) рассказано несколько эпизодов борьбы этого ученого-патриота против иноземных шарлатанов, борьбы, выигранной в холевых лазаретах, в госпитальных палатах и на полях сражений обороняющегося Севастополя. Оператор А. Москвин и художник Е. Еней воссоздали атмосферу эпохи, в которую жил замечательный ученый, образ которого проникновенно изобразил артист К. Скоробогатов.

Советские люди победили в Великой Отечественной войне. Они победили благодаря превосходству своего общественного строя, превосходству своих моральных качеств, воспитанных партией большевиков. Поэтому в фильме «Подвиг разведчика», рисуя один из эпизодов боевой деятельности советской разведки, офицер-коммунист, заброшенный в глубокий тыл противника, побеждает в смертельной схватке с фашистами, уверенный в своей правоте, в непобедимости своего народа. Спешаристы М. Блейман, К. Исаев, И. Макларский, режиссер В. Барнет, художник М. Уманский и артист П. Кадочников, показывая социалистические качества характера советского человека, как основу героического подвига.

В годы боев за свободу и независимость Родины каждый честный человек должен был найти свое место в рядах еражающегося народа. Ученый Миллас, которого политика буржуазных правителей Эстонии заставила замкнуться в цитадели индивидуализма, должен был прийти к своему народу, борющемуся против фашизма рядом с великим русским народом. Коллектив артистов Эстонской ССР (Х. Лаур, Л. Лаате, Л. Раяла) под руководством режиссера

Г. Раппопорта создал первый национальный эстонский фильм «Жизнь в цитадели». Во всем мире только советское кино породило и вырастило замечательный вид кинопублицистики — документальные фильмы, свидетельствующие о яркой, красочной жизни нашей страны.

Операторы-документалисты, среди которых отмечены Сталинской премией за 1947 год В. Фроленко, Р. Халушаков, А. Кричевский, К. Богдан, В. Доброничий, С. Семенов, В. Соколов, А. Семин, Б. Макаев, М. Ошурков, А. Шекутеев, Н. Вихрев, И. Беляков, М. Трояновский, умеют увидеть и заснять наиболее характерные эпизоды нашей действительности. Они снимают с выразительностью и лаконизмом подлинных живописцев.

Режиссеры хроникально-документальной кинематографии вместе с писателями — авторами сценариев и диалогов текста — создают фильмы, посвященные наиболее животрепещущим проблемам и событиям современности.

О восстановлении и росте промышленности и сельского хозяйства цветущей Советской Украины, о ее передовых людях рассказывает цветной фильм режиссеров М. Служко и Г. Тасина. Наряду с фильмом Л. Кристи и С. Гурова «Советская Латвия» он продолжает серию документальных картин о советских социалистических республиках, серию, значение которой высоко оценено зрителями всех национальностей Советского Союза.

О славной 800-летней истории нашей столицы и о ее социалистической молодежи говорит фильм «Москва — столица СССР» Л. Степановой, Г. Киселева и И. Бачелиса. Фильм праздничен, торжествен и вместе с тем сдержан и прост. Праздничным событиям в жизни советского народа посвящены также фильмы «День воздушного флота СССР». В. Бойкова и

с героями романа все трудности, все ужасы блокады, познала все величие и радость победы. И она любит этих героев настоящей, взволнованной любовью художника, стремящегося запечатлеть в романе неповторимую палитку великой битвы.

Роман «В осаде» не лишен недостатков. Бросается в глаза кое-где фрагментарность повествования, очерковый схематизм. Трудно согласиться с некоторыми рассуждениями героев о причинах наших временных неудач в 1941 году, о природе героизма советского человека. Капитан Каменский объясняет отступление Советской Армии тем, что наши люди не были подготовлены к войне, что до войны молодежь не знала трудностей, не писала закладки. Герой Советского Союза танкист Кривоноз уверяет, что отличительная черта русского национального характера — добродушие и нетерпеливость. А как разбередит до сердца, русак поведет пачками, да разбередит, да размахнется, да как-ах ахнет! По мнению Кривоноза, наши неудачи в 1941 году обусловлены тем, что у бойцов Советской Армии не «разудились» плечи, не «размахнулись» могучая рука для сокрушающего удара. Приведем эти заявления своих героев, писателям не оспаривает их, не показывает, что они ошибочны. Печать авторской горделивости отмечены фронтные эпизоды и сцены, посвященные изображению деятельности партизанского отряда в тылу врага.

Однако, несмотря на недостатки, роман «В осаде» — интересное, значительное произведение. Вера Кетлинская с наибольшей обстоятельностью, чем кто-либо из ее предшественников в разработке этой темы, показала Ленинград в суровые дни блокады, величественное мужество жителей города Ленина, чистоту их помыслов, их благородное презрение к смерти, несокрушимую волю к жизни и победе, преданность Родине, партии, Сталину.

«Восвоянный парад физкультурников 1947 года» И. Венжер и С. Бубрика. Парады грозной воздушной армады и счастливой, здоровой юности даны во всем богатстве красок. В народном ликовании, в избытке сил, радости, красоты, чувствуется дыхание последнего счастливого труда, творческого вдохновения великого народа, строящего коммунизм и готового сокрушить того, кто попирает его величественному подвигу.

Вдохновенные идеи Горького — о поучительности изображения одного дня жизни страны, режиссеры И. Копалин и И. Сеткина-Нестерова, писатель Б. Агатов и инженер Е. Иофис создали «День победившей страны» — цветной фильм о труде советских людей во всех концах нашей Родины.

Пять из тринадцати фильмов — цветные. Новое могучее изобразительное средство полностью освоено нами и с художественной и с технической стороны. Цвет в советских фильмах — полноправный компонент, позволяющий ярче выразить идейную сущность произведения.

Самое массовое из искусств — кино одержало новые творческие победы в славном деле правдивого и высокохудожественного изображения нашей социалистической действительности. Среди художников, удостоенных Сталинской премии, — опытные первоклассные мастера и талантливая молодежь. Среди студий, выпустивших премирные фильмы, — старейшие творческие коллективы Москвы и Ленинграда и национальные студии Украины, Узбекистана, Эстонии и Латвии.

Успехи 1947 года обязывают к еще большим успехам в 1948 году.

Создавать фильмы, достойные народа, достойные сталинской эпохи, — почетная обязанность наших кинематографистов.

Победа советской кинематографии

Р. ЮРЕНЕВ

Семь художественных и шесть документальных советских фильмов удостоены Сталинских премий. Тринадцать произведений горячего и правдивого, боевого и человеческого — нашего советского киноискусства получили всенародное признание.

Когда подается мысленным взглядом охватить сюжеты и героев лучших фильмов 1947 года, образ огромной, юной, солнечной страны встает перед тобой. Берега этой страны омываются волнами многих морей и океанов. С высоких гор видны дремучие леса и бескрайние плодородные пашни. Строятся города, работают заводы, колосится хлеб, в ясном небе летят краснозвездные самолеты. Все это создано творческим трудом гордого, свободного, непобедимого советского человека. Родина, народ — главная тема и главный герой всех тринадцати фильмов.

Они созданы художниками различных творческих индивидуальностей, в разных жанрах, разнообразными художественными средствами. Это говорит о силе единого метода, породившего эти фильмы, — метода социалистического реализма, который позволяет художнику во весь голос сказать правду о действительности, вдохновившей его.

1947 год был годом творческого подъема и перестройки работы советской кинематографии. Партия призвала советских художников решать основные вопросы современности, обогащать средства художественной выразительности, большевистской идейностью осветить свое отношение к жизни, сделать искусство активным строителем коммунизма.

Премированные фильмы говорят о том, что советское киноискусство уверенно идет по правильному пути. Как окрепло мастерство драматургов, сумевших дать ясные, правдивые и увлекательные картины со-

временности и истории, создать благородные и привлекательные образы людей — преобразователей, строителей, творцов! Сколько страсти, наблюдательности и искусства проявили актеры, воплотившие эти образы. Как изобретательно и правдиво запечатлели операторы и художники черты жизни разных народов и эпох. И как убедительно и гармонично объединили режиссеры творческие усилия своих коллективов в единые, целостные произведения.

Пафос побед в боях и в социалистическом строительстве оптимизм с особенной силой в картине И. Пыррева, В. Помещикова и Н. Рожкова «Сказание о земле сибирской». Этот радостный, жизнеутверждающий фильм, в котором сверкают краски родной русской природы, воссозданные оператором В. Павловым, звучат чудесные русские песни, записанные композитором Н. Крюковым, говорит о плодотворной творческой силе советского человека. Светлые образы молодых советских людей созданы артисты М. Ладина, В. Дружников, В. Андреев, В. Васильева.

Герой фильма молодой композитор Балашов свою ораторию — плод победленных сомнений и преодоленных трудностей — посвятил народу. В этом сила произведения Балашова.

Всю свою жизнь отдала народу, неся свет знания простым крестьянским детям, скромная русская женщина, сельская учительница Мартынова. И когда прогремел Октябрь, как расцвела ее жизнь, какую значительность приобрело ее дело! Вместе с народом она победила и в революции, и в борьбе за

коллективизацию, и в Великой Отечественной войне. Творчество драматурга М. Спирнова, режиссера М. Донекого, оператора С. Урусевова дано возможность актрисе В. Марецкой создать образ истинно русской и истинно советской женщины — сильной, чистой, мудрой, как ее Родина.

Гневно звучит фильм «Русский вопрос», направленный против темных, антидемократических сил, приобретающих все большее влияние в странах капитализма. В таинливом фильме М. Ромма и его коллектива (оператор Б. Волчек, художник С. Мандел, артисты В. Аксенов, В. Кузьмина, Б. Тенин, М. Астангов, М. Названов) правдиво изображены враги американского народа, враги мира и демократии.

Искусство самой Америки не смеет сказать своему народу правду, — и в этом основная причина вырождения, деградации американского искусства.

В то время, как правдивые, идейные, жизнеутверждающие советские фильмы завоевывают все большую аудиторию среди народов Западной и Восточной Голливуда, поднимая экраны мира откровенно фашистским, человеконенавистническим фильмам, мрачным, безнадёжным рассказам про сумасшедших, алкоголиков и убийц, пугающим и глумящим реву.

Неудивительно, что голливудские картины с треском проваливались на всех положительных международных кинофестивалях. Перед лицом зрителей всего мира одерживали победы советские фильмы.

К какому бы материалу ни обращались наши кинематографисты, — они искали выражения идей патриотизма, творчества, прогресса. В далеком XV веке жил и творил великий узбекский поэт и государственный деятель Алишер Навои. Он мечтал о государственном разуме и воспевал подвиг Фархада-строителя, давшего воду народам

В ГОЛОВЕ КОЛОННЫ

Обычная биография ровесника Октября: Александр Гончар был пионером на Полтавщине, потом стал корреспондентом пионерской газеты, перед войной учился в университете, а в сорок первом добровольцем ушел на фронт, служил в минометной роте, был ранен и контужен, вернулся в строй, прошел с войсками, как освободитель, по полям и городам Европы. Он дешировал судьбу Советской Армии, о которой так поэтично сказал во вступлении к первой книге романа: «У справедливых армий судьба всегда прекрасна». В сорок пятом демобилизовался в звании старшего сержанта. Вернулся домой на Украину с почетными наградами на груди — орденом Славы, тремя медалями «За отвагу». Снова пошел в университет — на физмат.

Не знаю, каковы успехи Гончара в области физики и математики, но, еще славя зачеты на последнем курсе, старший сержант запаса написал первую часть книги, которой суждена большая судьба. «Знаменосцы» — замечательная книга. В ней не просто собраны впечатления и переживания солдата: герои книги — Хаецкий, Брянский, Багиров, Сагайда, Черныш и другие — по своему своему существованию мирные советские люди, с чистой душой и ясным взглядом. Потому они — и хорошие солдаты.

Хаецкий, Багиров, Брянский — они уже стали любимыми героями у читателей. Превосходство советского человека над людьми захлоставшего буржуазного Запада видно во всех поступках и словах героев Гончара, находящихся вдали от Родины.

Один из героев Гончара сравнивает переход наших войск через Альпы и выход на Дунай с весенним ливнем: «Все после тебя, как после весеннего ливня: и воздух свежий, и земля зеленая...»

Именно такое впечатление производит герой «Знаменосцев», советские воины: от знакомства с ними светлеет на душе.

Чужден образ советского офицера Юрия Брянского — носителя высоких коммунистических идей. Брянский гибнет в Альпах, мы с горечью прощаемся с ним на страницах первой части романа. Но сила художника Гончара делает Юрия Брянского героем и второй части книги: о нем вспоминают, его ставят в пример, он обретает бессмертие в подвигах своих товарищей.

Хома Хаецкий — рядовой солдат, внутренний мир которого богат и многообразен. Пожалуй, в литературе последних лет это одна из наиболее ярких фигур.

И Брянский, и Хаецкий, и другие «знаменосцы» из романа Гончара — люди нового времени, люди советской эпохи. Молодой писатель показал свое умение и в создании характеров, и в описаниях природы, и в батальных сценах.

В пути по Альпам и в битве на Дунае герой Гончара неразрывно связан с Родиной, полны дум о ней, во все окружающее смотрит он глазами Родины, и это расширяет их кругозор, укрепляет их силы. Роман Гончара глубоко патристичен.

Очень важно еще одно обстоятельство: «Знаменосцы» написаны солдатом, — я говорю это не в переносном, а в прямом значении этого слова: рядовым солдатом, дослужившимся до звания старшего сержанта. Его книга отличается глубоким знанием жизни, в ней образы пережитого, а не просто наблюдаемого. Да, «Знаменосцы» Гончара — книга «бывалого человека». Но вместе с тем это книга талантливой, страстного писателя, умеющего видеть и глубоко осмысливать мир.

В манере Гончара есть любопытное свойство — он легко переходит от лирических описаний природы или батальных сцен к прямой, почти газетной публицистике. Публицистика и лирика в книге неразрывно связаны.

Гончар жаден и трудолюбив. Ему есть что сказать, и если уж он поднял руку на необозримом собрании своих читателей, он хочет говорить с ними долго, интересно, страстным языком советского человека.

Гончар написал уже новую книгу «Земля гудит» — о комсомольском подполье на Полтавщине. Эта вторая большая вещь писателя с трехлетним перерывом — серьезное испытание для него. Мы прочли только лишь часть новой книги Гончара, но ее уже хочется читать.

К сожалению, мне пока удалось узнать Гончара лишь по переводам. Но и перевод свидетельствует: Гончар пишет богатым и сочным языком. На последних поэтических дискуссиях высказывалась мысль о том, что проза влияет на поэзию и вносит в поэзию свои законы. Не углубляясь в этот спор, позволю себе высказать обратное предположение: не влияет ли поэзия на прозу в одном многостороннем потоке советской литературы?

«Знаменосцы» Александра Гончара — произведение поэтическое от первой до последней страницы. Столь же поэтичны многие произведения прозы, удостоенные Сталинской премии за 1947 год. — «Счастье» Павленко, «Кружничиха» Янов, «Звезда» Казакевича, очерки Галина, книга Михайлова.

Поэтичность, большевистская страстность, глубина знания жизни и интересов народа — вот главные черты литературы эпохи социализма. Все больше появляется книга-знаменосец великих идей нашего времени, и мы с радостью хотим повторить за командиром из романа Александра Гончара: «Знаменосцы, в голову колонны!»

ВЕРА В НАРОД

Один из героев романа Ф. Панферова «Борьба за мир» — старый мастер Иван Кузьмич Замытин — «дологую и политую» — говорит сыну, инженеру Василию, провоза его на фронт: «Ступай! И тебе помни, какая жизнь инженера тебе дала». Вот об этом — самом главном — крепко помнит все герои романа Федора Панферова: о советской власти, давшей людям жизнь и счастье. Василию Замытину она сделала инженером. Мужика Свилобова поставила во главе колхоза, научила разумно жить, подняла его сознание на такую высоту, на которую не может подняться даже французский академик, приехавший из «культуры» Европы.

«...полный такой, любопытный, в моих годах, по названию Шарль, по фамилии, не помню... Все выговаривало у него, как и что. Рассказывал охотно и тоже любовно на меня поглядывая. А потом и спросил: «Во имя чего вы, Петр Макарович, работаете и живете?». Ошарашил!.. Во имя чего? Я, конечно, подумал и говорю на высокой ноте: «Работая я, товарищ Шарль, во имя просветления мира. А живу? Живу для себя. А вы как изволите думать на это?» Ну, переводчик — ему, тот через переводчика — мне: «Живу я, слышь, и работаю во имя всевышнего». Я, знаешь-ка от него аж вот так отклонился и думаю: «Э-э-э! Милый! У нас пионеры дальше тебя на сотню лет убежали. Экая работа у тебя в голове!»

Вот что сделала советская власть с мужиком Свилобовым, в прошлом мелким собственником, который боялся и бога, и чорта, и засухи, и урагана, и барина, и царя, не жил, а мучился на земле. И этот бывший мужик Свилобов, ставший солдатом Советской Армии, запишет свою Родину, не павшую своей жизни, потому что знает: не будет советской власти — не будет и жизни. Он воюет за то, чтобы на земле не было больше скверны.

«Карл Маркс еще говорил про нас, про скверну на земле. Мы ее со своей землей сократили, скверну. А фашисты ее опять на нашу землю потащили...»

В образе солдата Свилобова, созданном Федором Панферовым, показан наш советский человек, поднявшийся на защиту своей родной земли от скверны фашизма, его нравственная сила, воспитанная строем социализма.

Начальник политотдела армии Троєкратов обещает перед сражением войска и думает с беспокойством: «Приготовлена ли душа бойца к этому решающему бою? Да, подготовлена. И не только теми агитаторами, которых он, начальник политотдела, разослал во все полки и роты. Душа бойца подготовлена к решительному сражению за Родину всем социалистическим укладом жизни.

У героя романа «Бруски», мятущегося середняка Никиты Гуриянова, было две души: одна душа тянула назад, в мир частной собственности; другая душа — душа труженика — влекла его вперед, к социализму. У Свилобова чуждая душа свободного человека. Его уже никакой Муравьев не соблазняет, ибо он знает, что дома ему лучше, — дома, в своей советской стране, в своем колхозе, на своем заводе, он — хозяин, он — человек!

В романе «Борьба за мир» показана та непреодолимая сила социалистического строя, которая сделала непобедимым наш советский народ. С первой же минуты, как только грозная опасность нависла над Родиной, все советские люди сплотились вокруг Сталина. Вот они в жестокий бурьян выгружают стволы на далеком Урале, обжигая руки о раскаленный морозом металл, живут в холодном бараке... Но нужно еще больше моторов для самолетов и танков, нужно их дать как можно скорее. Ночью на далеком уральском заводе раздаются звонки телефонов — говорит Сталин: — Передайте товарищам, что... я очень прошу помочь стране. Очень прошу...

И люди откликнулись на этот призыв. Они работали по семидесяти часов подтя, не отходя от станков. Просьба товарища Сталина была выполнена — фронт получил четыреста моторов сверх программы.

Федор Панферов показал трудовой героизм советских людей, преодолевших неслыханные трудности войны. Директор завода Николай Короблев, инженер, большевик, умеет организовать труд огромного и пестрого коллектива, поднять людей на борьбу за победу, потому что в каждом из них он видит такого же хозяина завода, как и он, и эту хозяйскую заботу о заводе он пробуждает в каждом человеке.

В романе «Борьба за мир» Федор Панферов утверждает нравственное превосходство людей социалистического советского общества над людьми старого мира. Однако наряду с передовыми людьми он показывает и тех, кто в минуту грозной опасности думал не о Родине, а о своем благополучии, как Едренкин, и тех, кто «болен хворью высокого поста», как Гусев, и тех, кто кичится своими старыми заслугами, как Сосновский, который некогда первый «объявил советскую власть на Поволжье», и тех, кто, подобно Макару Рукавишникову, «сидит не на своем стуле».

Но сила нашего социалистического общества состоит в том, что даже эти Сосновские и Рукавишниковы втягиваются в живое дело строительства новой жизни — в то дело, которое ведут вперед преданные родине Короблевы и Иваны Кузьмичи, инженер, мечтатель Иван Иванович Казарин и бывший старатель Звеник, жертвующий золотой песок на добровольческий танковый корпус, генерал-лейтенант Горбунов и солдат Свилобов, крестьянин Ермолай Агапов, который «впервые стал гражданином чистейшего государства», и кучер совхоза Савелий Раков, подожгший негодный в пазе и сам гибнущий самоотверженно в огне своей мести.

«Всякое у меня было, — говорит Ермолай Агапов: — жене не верил, детям не верил, друзьям не верил, а в народ всегда верил». Вот этой непоколебимой верой в советский народ проникнут роман Ф. Панферова, и в этом главное достоинство романа. Книга не лишена недостатков. Они есть. О них справедливо говорил критика.

Однако эти недостатки не снижают основного достоинства книги, в которой автор отразил героический подвиг народа-труженика, народа-победителя.

Шаг в будущее

В тот год, когда весть об Октябрьской революции поднимала и воодушевляла затерянные в жарких песках туркменские аулы; когда в Средней Азии была оторвана от революционных центров России казахскими частями Дувата; когда буржуазные националисты из «казахской автономии», закаспийские эсеры и белогвардейцы, феодально-буржуазные ханства вроде престолов Юзун-Дуна-хана, многочисленные башки стропили козни и заговоры против молодой, еще не окрепшей советской власти, — в это время в маленьком городе Теджене появился странный человек.

Черная папаша с длинными завитками, желтоватая рубашка, поверх нее хитрый шелковый халат, молочного цвета штаны и коричневые сапоги — народ был явно туркменским, но облик незнакомый не походил на туркменский.

Чтобы узнать, кто был этот человек, нам придется заглянуть в доклад английского генерал-майора сэра В. Малисона: «Британская военная миссия в Туркестане в 1918—1920 гг.». Вот что пишет генерал-диверсант на 17-й странице доклада:

«У меня было несколько прекрасных ших офицеров, говоривших на нескольких языках, были агенты на расстоянии тысячи и более миль, даже в правительственных учреждениях большевиков; был контингент людей, постоянно разбегавших по местам, которые я считал важными...»

Одним из таких агентов сэра Малисона был незнакомый, появившийся в ставке бандитского главаря Эзиз-хана. Действительность этих бандитов, направленных опытной рукой матерого империалиста, мастера разжигания национальной розни.

Бандит Эзиз-хан был врагом хитрым и опасным. Он выдавал себя за работягу, правды и справедливости. Честный и добрый авантюрист, мечтавший стать самодержавным владыкой Туркменистана, он обманывал народ, учитывая и используя малейший промах советного, засоренный меньшевиками и эсерами. Он пошел даже на то, чтобы отобрать хлеб у баев и раздать его голодающим беднякам. Так сумел он обмануть и привлечь на свою сторону многих бедняков «с ясным сердцем, но темным разумом».

Среди этих обманутых бедняков были и Артык — герой романа Берты Кербабаевы «Решающий шаг».

Роман написан уверенной рукой. И чувствуется, что эта уверенность возникла у автора не потому, что ему удалось придумать замечательную фабулу, — наоборот, сюжет романа чрезвычайно прост; и не потому, что автору удалось украсить свои странные словесными цветами, — наоборот, язык Берты Кербабаевы большой строг, скуп, сдержан. Эта уверенность возникла потому, что автор выстрадал свою тему, он убежден, что читателя не может не возволновать то, что глубоко возволновало душу писателя, — и эту убежденность, это волнение мы испытываем вместе с автором. Нас увлекают и картины великой социалистической революции в знойных степях Закаспия, и полные горечи и юмора картины быта старого туркменского аула, и яркая ткань пейзажа, и судьбы простых людей, ставших нам близкими.

Юноша Артык и девушка Айна полюбили друг друга. Но первый богат их аула, бай Халназар, решил сделать Айну женой своего тупоумного сына Баллы. Так Халназар впервые становится на дороге Артыка. Их борьба то затихает, то разгорается.

Наступает 1916 год. В Европе — война. Парское правительство гонит туркмен на тыловые работы. Недовольство зреет, туркмены поднимают восстание. Под влиянием своего родного, большевика Ивана Чернышева, рабочего-железнодорожника, Артык становится участником восстания.

В стихийном восстании соединяются разные борющиеся силы: тут и беднота,

тут и буржуазные националисты, тут и типа Эзиз-хана любители половить рыбу в мутной воде.

Повстанцы терпят поражение. Артык попадает в тюрьму, из которой его освобождают русские рабочие, освобождающие Октябрьскую революцию. Иван Чернышев избирается председателем Совета рабочих депутатов в Теджене. Но Артык плет не к своему другу, не к Чернышеву, не к красноречивому, — он плет к Эзиз-хану, и на плечах его появляются зеленые погоны с лунной и звездой.

Умно и тонко показывает Кербабаев, как постепенно сама жизнь снимает с глаз Артыка и его товарищей националистическую плену и открывает их глазам свет большевистской правды. На собственном опыте убеждаются бедняки-туркмены в правоте замечательных слов товарища Сталина: «Борьба окраинных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пришивается к делу лишь для обмена мает...»

Артык с ужасом видит, до какой нравственной бездны довела его близость к Эзиз-хану, изменившему и врагу народного дела, и он покидает его отряд и бежит в родной аул. Была минута, когда Артык, подобно шолоховскому Григорию Мелехову, хотел найти спасение в бегстве от событий в семье, в любви, в древнем труде земледельца. Но события революции так величавы, исполнены такой призывной мощи, что Артык не в силах бежать от них, и он находит свое место в рядах Красной Армии.

Хорошо описан Берты Кербабаевым приезд в бойцы Закаспийского фронта сталинского посланца — члена Туркбюро ЦК РКП(б) Валериана Кудышева.

«Припопавшись на стрелу, Артык скончался».

— Полк, смирно!

Кудышев посмотрел на фронт полка, на туркмен в больших папашах, на ахалтекинских коней. Артык пошел с рапортом...

Валериан Владимирович беседовал за-просто, как знакомый человек, называя по имени командира и комиссара. Окружающие невольно улыбались его шуткам. По-смотрев в его большие глаза, Артык пометил в них сияние и широту...

«При его помощи такие действа, как я, тоже сделаются людьми», — решил Артык.

По этому отрывку читатель может судить и о стиле романа — спокойном, ясным, родившемся под влиянием русской прозы. Строго реалистическая манера сочетается с фольклорными речевыми узорами — это придает книге своеобразную поэтичность и древность.

Символического значения полна одна из заключительных сцен романа. Красная Армия победила. Полк Артыка дошел до Аму-Дарьи. С изумлением глядя Артык, уроженец безводной степи, на полноводную реку. Там, в его ауле, из-за маленького, еще журчащего ручейка происходит ежедневное убийство. А здесь — столько воды! И Артык слышит слова Ивана Чернышева: «Чтобы провести воду Аму-Дарьи по степям Туркменистана, надо рыть каналы и сооружать плотины».

— А у кого хватит на это сил?

— У советской власти хватит!»

Да, хватало у советской власти силы! Она помогла туркменскому народу сделать решающий шаг в будущее, к социализму, и вот теперь народ увидел, как аму-дарьинские воды обречены в Кара-Кумы. Последованная пятилетка ознаменуется сооружением Большого Кара-Кумского канала. Аму-Дарья повернет воду народа на сторону Каспия, к землям Туркмени.

Шестенне коммунизма победоносно. Мы видим, как дыхание Великой Октябрьской революции возродило и соединило в одно целое разрозненный туркменский народ. Роман Кербабаев — большой успех молодой туркменской прозы и успех всей нашей советской литературы.

П. И. Лебедев-Полянский

4 апреля после длительной болезни умер Павел Иванович Лебедев-Полянский — один из виднейших и активнейших деятелей советского литературоведения.

П. И. Лебедев-Полянский (вн. КВКП) с 1892 года, родился в 1882 году в г. Меленки (ныне Владимирской губернии). Он не раз подвергался арестам и преследованиям. В 1907 году П. И. Лебедев-Полянский бежал из Нижегородской тюрьмы и вынужден был эмигрировать. Лишь через 10 лет, в 1917 году, он смог вернуться на родину, чтобы принять самое активное участие в строительстве новой, советской России. П. И. Лебедев-Полянский был назначен правительственным комиссаром литературно-научного отдела Наркомпроса. П. И. Лебедев-Полянский всемерно заботился об издании и распространении произведений русских классиков. В последние годы жизни он был главным редактором академических изданий сочинений Пушкина, Гоголя, Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

Академик П. И. Лебедев-Полянский одним из первых начал разработку классического наследия революционных демократов. Его книга о Добролюбова, Чернышевском, Белинском, — это стремление к разностороннему, полному изучению личности и творчества каждого из великих революционных демократов, неразрывно связан с литературной деятельностью с борьбой за переустройство общества, за освобождение от феодально-буржуазной «культуры для искусства» П. И. Лебедев-Полянский неустанно боролся за партийность литературы.

В последние годы Лебедев-Полянский был избран в академию, являлся заместителем академика-секретаря отделения литературы и языка Академии наук СССР, руководителем Института литературы Акаде-

мии наук СССР (Пушкинского дома). Он задала кафедру теории и истории литературы Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), принимал деятельное участие в работе Всесоюзного общества по распространению политехнических и научных знаний.

Ученый никогда не замыкался в кругу узкого академического интереса. Как член Союза советских писателей, он часто выступал по вопросам развития советской литературы. Замечательным качеством академика П. И. Лебедева-Полянского было его любовное, заботливое отношение к научной молодежи. Он всемерно стремился обеспечить высокий идейный уровень и отличную профессиональную подготовку молодых литературоведов,เสมอ поручал им разработку актуальных тем.

Светлый образ Павла Ивановича Лебедева-Полянского, одного из крупнейших советских литературоведов, ученого-большевика, навсегда останется в нашей памяти.

С. Вавилов, В. Волягин, П. Бруевич, А. Фалес, С. Кобяков, В. Чикис, И. Мещанинов, А. Вознесенский, М. Алексеев, М. Азодский, В. Алпинов, П. Герасимов, С. Барсуков, Н. Вельчикова, П. Берков, И. Векстер, Н. Галай, Л. Горюнов, Г. Гусовский, Н. Гудзий, Н. Державин, В. Десницкий, В. Жарковский, А. Егоров, В. Брыков, И. Зильберштейн, Б. Казанчик, А. Чавенский, С. Макаши, Н. Маслин, Б. Мейлах, Е. Михайлова, И. Мещ, А. Минутин, Л. Молдаванский, А. Масинков, А. Назаров, С. Обиновский, Л. Перенко, Ф. Петров, Л. Плотикин, И. Сергеевич, А. Смирнов, Е. Таватута, Л. Тимофеев, Б. Томашевский, И. Чернышев, Т. Шаргородский, И. Шариков, В. Шахматов.

ПОДВИГ ТРУДА

Творческий путь Мариэтты Сергеевны Шагинян — это путь неутомимого, упорного, напряженного труда. «Профессиональную» работу, печатание я датирую с 15 лет, — говорит писательница. — и горжусь тем, что начала свою трудовую биографию в том же возрасте, в каком ее начинала большая часть производственных рабочих». Высокое чувство ответственности, представление о труде как о долге не только перешло собой, но и перед обществом — черты, определяющие творческий облик советской писательницы.

Первые шаги в литературе М. Шагинян делает, находясь под прямым влиянием символизма. Но стремление к «настоящему делу», поиски философии, которая являлась бы «программой действия», творила бы жизнь, помогают М. Шагинян разгадать истинную сущность ее эстетских «наставников», их реакционность, прикрытую «декадентской гуманизацией».

В романе «Своя судьба» (опубликованном в 1918 г.) писательница показала узкий, замкнутый мирок — ту психологическую и идейную атмосферу, в которой накануне революции жило большинство русских интеллигентов.

Этот роман был написан в 1916 году, а семь лет спустя Мариэтта Шагинян рассказала о том, как раскололась интеллигенция на два лагеря и как лучшая ее часть пришла к большевикам. — пошла за теми, кто олицетворял собой светлое, творческое начало истории.

«...Музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабанами, отбивающими Перемени!»

Трам-тар-ра-рам, просыпайтесь! Зорю утреннюю мы играем тебе. Человечество!»

И самый роман назывался «Перемена». Героическая романтика коренного переустройства жизни захватывала писательницу, потрясенную мощью и величием начавшихся перемен. Революция открыла перед Шагинян неограниченные просторы, «мир в движении».

Несмотря на то, что роман еще носил на себе следы старых символистских увлечений писательницы, «Перемена» была революционным прощанием с тем комнатным буржуазно-интеллигентским миром идей и привычек, в котором жила М. Шагинян до революции, вместе с героями «Своей судьбы».

В новом романе М. Шагинян обращается к изображению широких исторических процессов. «Перемена» — это была о гражданской войне на Дону, написанная, как свидетельствует автор, «по свежим следам пережитого, по дневнику и газетам». Здесь нарисованы подлинны, а не условные события, настоящие живые люди, их мысли, страсти, их реальные судьбы.

Герои М. Шагинян — свидетели и участники великих событий. Они видят гибель старого, гнусного мира, убеждаются в тщетности его попыток возродиться с помощью измены, белого террора, интервенции.

«Перемена» заняла прочное место в советской литературе, как одна из первых, талантливых книг, рассказавших о подлинном поэтическом возмущении о радости прощания с ненавистным старым миром, о счастье встречи с новым миром.

В последующих произведениях писательницы возникает образ интеллигента, поэта новой правды, нового гуманизма — гуманизма революции. Этот герой сменяет безвольных, уползновенных интеллигентов ранних вещей М. Шагинян. Этот новый герой, порвав с буржуазией, отдает свою жизнь народу. Такова молодежь в романе «Перемена». Близка к ним и Айла Зворыкина («Приключения дамы из общества», 1923 год), которая сделала решительный выбор между «подделкой под реальную жизнь» и самой жизнью.

Познавая создаваемый большевиками новый мир в движении, законы, им управляющие, — такова теперь творческая задача М. Шагинян. Писательница ищет новые формы искусства. Она экспериментирует. Так возникает авантюристический роман «Месс-Менд» (1924) и роман «Як» (1929). Но живую реальность неминуемо воплотить в условной форме. Тут впервые в процессе творчества, — писала Шагинян в статье о социалистическом реализме, — я поняла, что отношение к действительности диктует нам и выбор художественного оружия, оружия художественного производства».

Связь с жизнью, изучение ее путем прямого вмешательства в эту жизнь Шагинян объявляет одним из основных принципов своей творческой работы. Уже в 1920 году она заносит в дневник: «Восемь месяцев не писала дневник. За это время совершенно отошла от литературы (своей и чужой) и по горло погружилась в жизнь».

В двадцатых годах начинался пик путешествий Мариэтты Сергеевны по не-

обозримым просторам советской страны. С мандатом от газеты «Правда» писательница отправляется в Закавказье. Она наблюдает бурный рост закавказских республик, изучает те новые процессы, которые возникают в экономике и быту, в сознании людей. Шагинян ведет дневник, документирует свои наблюдения, пишет многочисленные очерки, стремясь не пропустить ни одной хотя бы мельчайшей черты новой эпохи, стремясь закрепить в слове все те изменения, свидетелем которых она является. Стать «летописцем современности», раскрыть все своеобразие нового времени, дать целостный охват явлений, обобщив основные тенденции развития советского общества, — такова та увлекающая задача, которой М. Шагинян подчиняет свои путешествия. Так возникает ее проблемная публицистика, объединенная под названием «Советское Закавказье» («Роман угля и железа», «Путешествие в мир хозяйственных проблем» и др.).

В поездках рождается замысел нового романа. В 1927 году Шагинян уезжает на новостройку и участвует в создании гидроэлектростанции Дзоргаз в Армении. Писательница была здесь «не в качестве гостя, а хозяйки», так же как и «каждый участник строительства, самый рядовой работник». «Я участвовала в земляных работах, работала по прокладке шпала, изучала рабочие чертежи, транспортную историю проекта, делала геологические эскизы и, наконец, включилась в борьбу со строителями за оборудование». Шагинян изучает свой материал «изнутри», и только полностью овладев им, берется за новую книгу.

«Гидроцентр» (1930) — роман философский, а не только производственный. Герои его — советские люди — выступают в своеобразии их нового отношения к действительности. Они воплощают в себе творческое, созидательное начало. В своей практической деятельности, в мелких и больших делах они поэтичны и возвышены, ибо переосоздают мир не только материально, вещно, но и устанавливая новые нормы человеческих отношений, утверждая новые духовные ценности. Таковы покаянная учительница Ануш Малхазян, романтик и философ Аро Аравян, партийный работник Марджана.

Новый цикл путешествий начинается М. Шагинян в годы Великой Отечественной войны, когда она едет на Урал, в Сибирь, на Алтай, где продолжает трудиться над своей «летописью современности». Перед самой войной писательница закончила две капитальные работы: первую поэму азербайджанского классика XII века Низами «Сокровища тайн» и исследование о Шевченко, которое принесло ей в 1944 году ученое звание доктора филологических наук. В годы войны Шагинян вновь обращается к публицистике. Она пишет новые главы очерков, представляющие своеобразный лирико-философский дневник современника великих событий. В 1942—1943 гг. печатается «Урал в обороне». В послевоенный период Шагинян выпускает «Письма с Закавказья» (1945), «Дела и люди Армении» (1946) и в 1947 году, путешествуя по новостройкам Урала, Казахстана, Сибири, начинает публиковать очерки о восстановлении и новом погоне народного хозяйства социалистической страны — «По дорогам пятилетки».

Пафос грандиозных масштабов строительства, героика труда — основное в новых книгах Шагинян. Она воспекает социалистический труд — «сunnyй, упорный, настойчивый, перспективный труд, пронизанный чувством будущего, ясным сознанием цели».

Это определило и своеобразие ее писательского облика. М. Шагинян всегда действует, как исследователь, но исследователю своего типа, для которого «первоисточником» является сама жизнь. Как, предприняв изучение жизни и творчества Шевченко, величайшего поэта Украины XIX века, М. Шагинян «ездит» все места, где только ступала его нога, побывая на родине поэта — Украине и повторяя его путь по этапам ссылки к Аральскому морю. Писательницу можно встретить на склонах Закавказских гор, выбирающихся к потухшему кратеру вулкана не из туристского любопытства, а чтобы решить вопрос о местном строительном материале — артистическом туфе, которому будет затем посвящен цикл очерков «Восхождение на Алагат». В годы послевоенной пятилетки она обехала новые, растущие по великому плану города, по маршрутам вновь проложенных дорог.

Творчество М. Шагинян неразрывно связано с жизнью нашей страны, с величайшим трудом советских людей. Деятельность самой писательницы, неутомимого исследователя и путешественника, представляет собой подлинный трудовой подвиг.

НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ М. С. ШАГИНЯН

Вчера писатели Москвы собрались в Центральном доме литераторов, чтобы приветствовать Мариэтту Сергеевну Шагинян.

Н. Тихонов, откликнувшись вечер, горячо поздравил М. Шагинян от имени президиума Союза советских писателей СССР.

Ф. Панферов, Д. Заславский, А. Софрон, академик Л. Д. Шевская, В. Кирилов, В. Шкловский, А. Караваев, Л. Сейфуллина, Л. Скорин и другие в своих речах охарактеризовали М. Шагинян как писателя-коммуниста, всем своим талантом, знаниями и вдохновением, неутомимым трудом служащего интересам советского народа.

Академик В. Н. Образов приветствовал писательницу от имени советских железнодорожников.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ,